

Абдурашитова Ш.Б. ОБОЗНАЧЕНИЕ СИМПТОМОВ ГНЕВА И РАДОСТИ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Эмоции являются одним из признаков человечности. По мнению известного психолога К.Э. Изарда, не обладая эмоциями, то есть, не умея испытывать радость и печаль, гнев и вину, мы не были бы в полной мере людьми [1, с.22]. Лингвисты сравнительно недавно обратились к детальному исследованию выражения и описания эмоций в языке. По мнению ученых, языковая фиксация симптоматических реакций и физических состояний, ассоциируемых с какой-либо эмоцией, является основой, на которой в картине мира формируются представления о значимых характеристиках этой эмоции. То есть описания выражения эмоций отображают информацию о стереотипах эмоций в определенной культуре.

Целью данной работы является выявление в крымскотатарском языке языковых выражений, обозначающих симптомы таких человеческих эмоций, как гнев и радость. Подобное исследование позволит определить семантические признаки концептов «ачув» (гнев) и «кьуванч» (радость) в крымскотатарском языке. Актуальность работы определяется необходимостью изучения гнева и радости для выявления универсального и специфического в способах их концептуализации и функционирования, что, в свою очередь, позволит глубже изучить систему мышления носителей крымскотатарского языка. Новизна работы состоит в том, что симптоматические выражения, обозначающие гнев и радость, прежде не анализировались на материале крымскотатарского языка.

В ходе исследования мы выделили языковые выражения, описывающие:

- а) реальные физические изменения в организме;
- б) «нереальные» изменения в организме, то есть симптомы представляющие собой образные или метафорические описания исследуемых эмоций.

Гнев, являясь одной из важнейших эмоций, имеет широкий спектр симптомов. Известный психолог Изард К.Э. отмечает, что «мимическое выражение гнева включает в себя весьма характерные сокращения лобных мышц и движения бровей» [1, с.250]. В крымскотатарском языке данные симптомы так же обозначены: *Окьудыкьча, чырайы сытылды, кьашлары тьюумлешти, ягьып ташаджакь кьуббе кокдай, бети морарды* [8, с.300]. «Во время чтения выражение его лица исказилось, брови нахмурились, и лицо стало фиолетовым, словно небо перед грозой».

Анализ языкового материала выявил, что одним из ярких симптомов проявления гнева является изменение цвета лица у человека: *Даа деми кульмектен ичеклери узюлеяткьан Ибраим байнынь чырайы да ачувындан чукьурдаки Бенсеит акьайныньки киби ап-акь олды* [8, с.203]. «Лицо у только что хохотавшего Ибраима бая от злости стало таким же белым, как у Бенсеита, оказавшегося в яме». - *Ишинь олмасын, кьарышма! – деди ачувындан кьызарып-бозаргьан ве бу хаберден эли-аягьы кьалтырагьан Джелял мырза еринден котерилип* [8, с.366]. «Не твоё дело, не вмешивайся! – сказал покрасневший от злости, дрожащий от этой новости всем телом Джелял мырза, вскочив со своего места». *Ювурмакьтан талагьы кьаткьан ве эп бир балаларнынь пешинден етишмейджегини аньлагьан Барат, ачувындан ком-кок кесилип, керу бурылды ве паравоздай пышинап, идареге догьру адымлады* [9, с.46]. «Барат, запыхавшийся от бега, осознал, что уже не догонит детей, посинев от злости, развернулся и, дыша словно паровоз, направился к конторе».

Симптомом гнева является также покраснение и изменение формы глаз: *Козьлери кьызаргьан, череси топракь кесильген Эмин анасына ачувен тикленип бакьты, озюни тутмагьа тырышкьан алда:*

— *Ана, бойле шейни бираз тьюшюнип айтырлар...* [12, с.102]. «Эмин, с покрасневшими глазами, с лицом землистого цвета, со злостью пристально взглянул на мать и, сдерживая себя, сказал: - Мама, прежде чем сказать такое, следовало бы подумать». *Томбул янакьлары ачувындан бир ань ичинде ком-кок кесильдилер, афакьанлы козьлери бираз даа керилип, кьан баскьандай кьызардылар* [9, с.25]. «От злости его щеки посинели в одно мгновение, злые глаза, расширившись, покраснели, словно их залило кровью».

К реальным симптомам гнева также отнесены следующие языковые выражения, являющиеся основой соответствующих семантических признаков концепта «ачув»: а) дрожь тела: *Ачувындан дыр-дыр кьалтырады* [8, с.325]. «От злости его затрясло». *Ниярыннь ачувындан эли-аягьы кьалтырады* [12, с.123]. «У Нияры от злости тряслись руки-ноги». *Арам пич, бу мерафет сенинь ишиньдир, - деди о ве афакьанындан дыр-дыр кьалтырап, Алимнинь устюне атылды* [8, с.203]. «Безродный, это твоя проделка» - сказал он и, дрожа от злости, кинулся на Алима»; б) затрудненное дыхание: - *Сен... сен... - кьычырды усталар башы, лякин бутюн барлыгьыны кьаплап алгьан афакьанындан нефеси тьийьлып, озюдай уфачыкь шамарыны саллай-саллай Алимге кьаршы адымлады* [8, с.203]. «- Ты... Ты... – закричал старший мастер, однако из-за гнева, охватившего все его существо, перехватило дыхание и, размахивая маленькой ладошкой, он двинулся в сторону Алима»; в) нарушение речи: *Еджанлы Саранынь чылгьынлыкьнен яньгьырагьан кесен-кес давушындан урккен Бабаджаннынь тили тутулды, богьазына тирельген ачувындан айтмагьа сьз тапалмады* [8, с.243]. «У Бабаджана, вздрогнувшего от звонкого, решительного голоса взволнованной Сары, отнялся язык, от гнева, сжавшего горло он не нашелся что сказать».

В крымскотатарском языке имеется описание таких метафорических симптомов гнева, как «потеря контроля над рассудком»: *Яныкьсырап, шашмалап кьалгьан Мемши агьа ачувындан кьутургьан бир алгьа келип, аля даа азбар ичинде чапкьаламакьта, тынынь алмадан кьаралты халкьы устюне окьурмекте, сьгюнмекте эди* [8, с.175]. «Мемиш ага, не выпавшийся, обезумевший от охватившего его гнева, всё ещё бегал по двору, беспрестанно кричал на окружающих». *Бу ал кьадыны иддетлендирди, о, озюни унутып,*

эйликке кемлик косьтерген, «чингене торбасындан тюшкен» Ресуль эфендини догърудан-догъру сокъакъ сёгюшинен сёгди [8, с.15]. «Эта ситуация разгневала кадия, он, выйдя из себя, обругал неблагодарного безродного Ресуль эфенди грубыми словами». Согласно языковому материалу гнев характеризуется «взрывоопасностью»: «Генерал», адынен айткъанда, Саранынъ агъасы Юсуф, ачувындан патламакъ деджесине кельген эди [8, с.216]. «Брат Сары Юсуф, прозванный «генералом», чуть не взорвался от гнева». Козьлюкли ачувындан патлаязды [11, с.63]. «Очкарик чуть ли не взорвался от злости». Айдавджы ачувындан патлаязды, къаршысындаки, йипек халатлы ханымны яхшы этип сёгмек истеди, лякин Сание аптени ынджытмакътан сакъынды, онынъ хатири ичюн сусмагъа меджбур олды [12, с.55]. «Водитель, чуть не взорвавшийся от злости, хотел было обругать женщину в шелковом халате, но, опасаясь обидеть Сание апте, был вынужден замолчать».

Изард К.Э. в своем труде отмечает, что на сегодняшний день изучены лишь некоторые из физиологических изменений, сопровождающих эмоцию радости. Ученым в ходе лабораторных экспериментов было обнаружено, что радостное переживание вызывает повышение частоты сердечных сокращений [1, с.152-153]. Данное проявление эмоций отражается и в крымскотатарских симптоматических выражениях: *Эеджандан, къуванчтан юреги чапаланды* [11, с.13]. «Сердце забилося от волнения и радости».

Анализ языкового материала выявил, что одним из ярких симптомов проявления радости в крымскотатарском языке является смех и хохот: *Къакъгач къувангъанындан, шах-шах этип кульди* [11, с.76]. «Сухарь» расхохотался от радости». *О къуванчлы сеснен шакъылдап кульди, меним омузума элини къойды* [12, с.235]. «Он радостно расхохотался и положил руку мне на плечо». *Къарт, бала киби, къуванып кулюмсиреди* [11, с.120]. «Старик, словно ребенок, радостно улыбнулся». Заметим, что смех чаще является «индикатором» радости, чем улыбка.

Одним из симптомов радости является двигательная активность: *О ишине битирип мердивенден юкъары котерильгенде, участка башы къувангъанындан оны къучакълап, опип башлады* [11, с. 194]. «Когда он закончил работу и поднимался вверх по лестнице, начальник от радости стал его обнимать и целовать». *О къувангъанындан, Алимени къучакълады, опыти* [11, с.123]. «От радости он обнял и поцеловал Алиме».

Мы выделили также такой симптом, как «невозможность речепорождения»: *Олар къуванч делялети ве шадлыкъ ичинде олгъанларындан, сес-солукъ чыкъармакъ меджалында дегиль эдилер* [8 с.220]. «Они пребывали в радости и веселье, поэтому были не в силах произнести и звука». *Сеит-Джелиль эфенди къуванчындан губернаторгъа тешекюр биле айталмады* [8, с.167]. «Сеит-Джелиль эфенди от радости даже не смог произнести слова благодарности губернатору».

Показателем радости могут быть слезы: *Нияр севингинден анасынынъ бойнундан къучакълады, къуванчындан агълап йиберди* [12, с.180]. «Нияр обняла свою маму и заплакала от радости». *Катирна къартанай мени корип, пек къуванды, агълады* [11, с.70]. «Бабушка Катерина, увидев меня, расплакалась от радости».

Изменения цвета лица не является характерным симптомом радости в крымскотатарском языке. Хоть и имеют место частные случаи. Например: *Эмине къулакъларынадже къызарды. Лякин бу ялынъыз утанув дегиль де, эм эеджан, эм къуванч алямети эди* [12, с.114]. «Эмине покраснела до ушей. Но это было признаком не только смущения, это и волнения и радости».

К метафорическим симптомам радости мы отнесли выражения, описывающие «освещенность», «блеск» лица и глаз: *Юзюнде севинч, шадлыкъ аляметлери парылдай, яна эди* [12, с.171]. «Его лицо выражало радость и веселье» [дословно: На лице сверкали, горели признаки радости, веселья]. *Адиленинъ козьлерине бакъып, олар насыл бир къуванчнен янгъанларыны корьмек истей* [13, с.123]. «Он хотел увидеть, какой радостью загорятся глаза Адиле». *Козьлеринде бахт ве къуванч учкъунлары учтылар* [13, с.124]. «В глазах отражались искорки счастья и радости». *Козьлери къуванчнен парылдадылар* [12, с.148]. «Глаза светились радостью». *Джеваирни корьгенде, череси бирден къуванч иле йылырай, юрегинде не олса, эписини айтаджакъ, тёкеджек инсан киби джоша, сонъра махзунлана эди* [11, с.18]. «Когда он видел Джеваир, лицо его сразу освещалось радостью, он порывался сказать все, что было на сердце, но потом впадал в печаль».

Наблюдается такой метафорический симптом у человека, испытывающего радость, как «взлет»: «*Башынъ кокке тиймек.*» [3, с.142]. – досл. «головой дотронуться неба». В крымскотатарской художественной прозе используется языковая конструкция «быть на седьмом небе»: *Гульчехре къуванчындан еди къат кокнинъ тёпесинде эди* [10, с.132]. «Гульчехре была на седьмом небе от радости». *Мен къуванчындан еди къат кокнинъ тёпесинде эдим* [8, с.349]. «Я от радости был на седьмом небе». Так как понятие о седьмом небе заложено в сознании мусульман, каковыми являются и крымские татары («Аллах – тот, кто сотворил семь небес и земли столько же» Сура 65, Развод 12 (12) [2, с.462]), в крымскотатарском языке встречается устойчивое словосочетание «еди къат» (семь слоев) [4, с.140]. Однако словосочетание «быть на седьмом небе» не характерно для крымскотатарского этнического сознания» и, по-видимому, является калькой с русского языка.

К метафорическим симптомам радости можно отнести и «потерю контроля над рассудком»: *Шамрат къуванчындан акъылыны чылдыргъандай олды* [10, с.17]. Шамрат словно обезумел от радости. *Яхшы, чокъ яхшы! – деди севинчинден делиреязгъан Пестель ве челик тумбадан бир десте акъча чыкъарып, мырзагъа узатты: - Магъарыч!* [8, с.404]. «Хорошо, очень хорошо! – сказал, обезумевший от радости Пестель, и, достав из стальной тумбы деньги, протянул мурзе: Магарыч!»

Исследование крымскотатарских выражений, описывающих проявление гнева и радости, выявляет разнообразную симптоматику их выражения в крымскотатарском языке. Данное исследование позволяет означать такие наиболее распространенные семантические признаки эмоционального концепта «ачув», как «изменение цвета лица», «дрожание», отнесенные к реальным физическим симптомам; и метафорический

симптом «потеря самоконтроля». Также выделяются следующие семантические признаки концепта «кьуванч»: реальный симптом - «смех», метафорические симптомы - «блеск глаз» и «потеря самоконтроля».

Источники и литература

1. Изард К.Э. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2006. – 464 с.
2. Коран *в переводе И.Ю. Крачковского*. – М., 1990. – 727 с.
3. Куркчи У. Сёз бирикмелери // Ыылдыз. – 1987. – № 3. – С. 140–143.
4. Куркчи У. Сёз бирикмелери // Ыылдыз. – 1988. – № 1. – С. 137–141.
5. Рудерман М.В. О симптоматических выражениях, обозначающих гнев // Проблемы семантического анализа лексики: Тезисы докладов международной конференции. Пятые Шмелевские чтения, 23–25 февраля 2002 г. – М.: Русские словари: 2002. – 119 с.
6. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1987. – 192 с.
7. Эмирова А.М. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь. – Симферополь: ДОЛЯ, 2004. – 175 с.
8. Художественная литература:
9. Болат Ю. Алим: Роман. – Ташкент: Эдебият ве санъат нешрияты, 1980. – 424 с.
10. Болат Ю. Анифе: Роман. – Ташкент: Гъафур Гъулям адына бедий эдебият нешрияты, 1969. – 320 с.
11. Болат Ю. Садакът: Роман. – Ташкент: Гъафур Гъулям адына бедий эдебият нешрияты, 1979. – 328 с.
12. Эдемova У. Айдын геджеде: Роман. – Акъмесджит: Таврия, 2005. – 340 с.
13. Эдемova У. Баш язысы: Повесть ве икяелер. – Ташкент: Эдебият ве санъат нешрияты, 1981. – 240 с.
14. Эмин С. Сенинь йылдызынь: Роман. Акъмесджит: Таврия, 1994. – 239 с.

Беляева О.В.

РОМАН Дж. Фаулза «Волхв»: ЧЕРТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО И ЛИТЕРАТУРНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Роман Дж. Фаулза «Волхв» (1966 г.) остается до сих пор одним из самых загадочных произведений мировой литературы. В последние десятилетия учеными нередко поднимается проблема жанровых особенностей романа вообще, его разновидностей, изменчивости и пластичности. Для современной эпохи характерен психологизм, философский подход, понимание не результата, а процесса происходящего, не *что* будет в конце, а *почему* именно так. Эти черты определяют развитие некоторых жанровых особенностей романа и его форм.

В XIX веке (особенно в первой его половине) в разных модификациях романного жанра, и в их сложных соотношениях в структуре жанра в целом доминировала ориентация на воспроизведение реальности, истинности событий. Общая тенденция романного дискурса XX века, героем которого становится «человек играющий», ориентирована на знаковую игровую экспериментальную природу романа. Сегодня человек плывет по течению, не разбирая и не видя, что есть его жизнь, его предназначение, кто он.

Д. Фаулз в своих произведениях поднимает вопрос о самости личности, о ее истинных импульсах, которые в современном мире личность не в состоянии понять сама без помощи какого-нибудь «мудреца» - психоаналитика, поэтому проблема ценностей человека, смысла и цели его жизни являются актуальными и сегодня. Цель данной статьи состоит в раскрытии жанровых особенностей романа Д. Фаулза «Волхв» в аспекте эксперимента и связи с образами и символами теории К. Юнга.

Роман «Волхв» дает материал для различных философских интерпретаций и литературных параллелей. В этом романе выделяют разнообразные аллюзивные слои, многочисленные параллели с классиками английской и французской литературы, философские труды экзистенциалистов, а также психологические исследования К. Юнга и З. Фрейда. Именно связь романа с исследованиями К. Юнга представляет большой интерес в раскрытии эксперимента.

Термин «экспериментальный роман» ввел Э. Золя. По его мнению, это «произведение нового искусства, пользующегося в процессе художественного создания не только наблюдением, но и экспериментом, который представляет целесообразное изменение реальных условий наблюдения явлений» [5]. «Художник» представляет наблюдателя, который излагает факты, устанавливает исходную точку и определяет почву, а затем репрезентирует экспериментатора, который устраивает опыт, т.е. заставляет героев действовать, чтобы показать им их поступки.

В романе «Волхв» сюжет построен именно по этому принципу. Герой романа Николас Эрфэ попадает в незнакомый, но пленяющий его мир. С ним происходят странные, но интригующие его события. Хозяин виллы, где происходит действие, Морис Кончис, является тем самым режиссером, который устанавливает правила игры и провоцирует некоторые ситуации, где Николас должен сделать свой выбор.

Дж. Фаулз описывает эксперимент, который проводится над Николасом и заключается в психологической трансформации личности: осознание себя, своего «Я» без ложных социальных установок и заблуждений. Вся сюжетная ткань романа пронизана экспериментом, который можно разделить на два уровня: одним из уровней является игра, так называемое реалити-шоу. Это своеобразный спектакль, но не костюмированное представление, а игра в реальную жизнь.

Игра происходит на протяжении всего эксперимента, все играют свои вымышленные роли, но сам объ-